

пребывания на Афоне, но они отчасти имелись также в русском переводе в богатой библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря.⁷⁶

Стало быть, так называемый «Устав» Нила вообще не является монастырским уставом; последнее название можно было бы употреблять лишь в самом общем смысле слова, которое не соответствует обычному употреблению этого слова во времена Нила, когда вопрос о письменном монастырском уставе был, как мы видели, злободневным. «11 глав» Нила лучше назвать трактатом или «поучением».

Но «Предание учеником своим» Нила — это настоящий монастырский устав, типикон игумена. Здесь Нил утверждает порядок жизни в своей пустыни и заботится о нем, имея в виду времена, когда его уже не будет.

Сравнивая Нилово «Предание» с Уставом Евфросина Псковского,⁷⁷ мы должны заметить, что они достаточно резко отличаются друг от друга, хотя принадлежат к одному литературному жанру уставов и даже к одному их виду: к монастырским уставам основателей игуменов.

Нилово «Предание» куда менее стилистически развито, чем Устав Евфросина. Нет в нем такого подробного изложения отдельных положений монастырской жизни, как у Евфросина, нет подразделения по главам, нет истории основания скита — всех этих черт, столь типичных для византийского монастырского устава IX—XVI вв. «Предание» Нила уже более похоже на Завещание Евфросина или на те слова Пафнутия Боровского, которые Иннокентий записал.⁷⁸ Но если Евфросиново Завещание представляет собой короткое повторение главных мыслей его Устава, а завещание Пафнутия — устное предание, записанное скорее по воле ученика, чем самого игумена, то Нилово «Предание» уже играет роль собственно устава, при помощи которого автор хочет укрепить строй жизни в своей обители. Эта жизнь должна продолжаться после его смерти по тем же принципам, как при его жизни. Почему же Нил избрал такую упрощенную форму в сравнении с Уставом Евфросина? Он ведь, конечно, знал, так же как Евфросин, уставы Святой Горы и Царьграда.

Своеобразное заглавие «Предание» обращает наше внимание на интересное обстоятельство. Среди византийских монастырских типиконов лишь один имеет заглавие, почти тождественное с Ниловым «Преданием», — это: *τύπος, καὶ παραδοσις καὶ νόμος τῆς σεβασμιᾶς λαβρᾶς τοῦ ἁγίου Σαββά.* „*парадоσις*“ означает «предание».⁷⁹ А «Предание» Саввы Освященного (умер в 524 г.) написано в таком же простом и безыскусственном стиле, как Нилово «Предание»; именно это обстоятельство делает его таким же единичным памятником в кругу византийских монастырских уставов и игуменских завещаний, каким оказывается «Предание» Нила в кругу русских.

и трактат о «хранении сердца» Никифора-монаха (оба XIII в.), Слова Григория Синаита (XIV в.) То, что Нил знал эти сочинения, явствует из того обстоятельства, что он цитирует их не раз в своих «11 главах»

⁷⁶ Н. К. Никольский Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря — ПДП, т. СХІІІ, СПб., 1898, стр. 8, 9—10, 13, 146—147, 169.

⁷⁷ Не будем же говорить в связи с этим об «Уставе» Иосифа Волоцкого, который резко отличается от Нилова «Предания» как по содержанию, так и по форме. Имеем в виду краткую редакцию, опубликованную Я. С. Лурье (см. выше, стр. 91, прим. 70). Ей присущи некоторые общие черты с Уставом Евфросина, но гораздо резче выступают различия. Духовная грамота Иосифа, т. е. пространная редакция его «Устава» не является уже монастырским уставом в строгом определении жанра, 10 е слово — «Отвещание любозаборным» и некоторые другие разделы делают этот любопытный документ единичным в литературе уставов. Мы будем в другом месте говорить еще об этом предмете

⁷⁸ См. выше, стр. 88

⁷⁹ А. Дмитриевский Описание литургических рукописей, ч. 1, стр. 22—24. E. Kurtz, Byzantinische Zeitschrift, t. 3, 1894, стр. 167—170